

РУСТАМ КСЕНОФОНТОВ

ПЛЕН

ВЗГЛЯНИ НА ЖИЗНЬ СО СТОРОНЫ

Рустам Ксенофонов

ПЛЕН. Взгляни

на жизнь со стороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65403766

ISBN 9785005384348

Аннотация

Если представить себе условия, в которых жизнь имеет очень низкую ценность, то те проблемы, которые омрачают наше существование в данный момент, покажутся маленькими и незначительными, правда? Так почему же мы уделяем им столько внимания, что зачастую вокруг них, этих проблем, и строим всю свою жизнь? Рассказанная в книге история поможет снизить значимость беспокоящих вас ситуаций. А еще она научит ценить те прекрасные моменты, которые преподносит жизнь.

Содержание

От автора	5
Глава I. Казарма	7
Глава II. Методы Шпицера	13
Глава III. Новая запись в дневнике	15
Глава IV. Знакомство с тираном	17
Глава V. Тинс и Ли́ла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ПЛЕН
Взгляни на жизнь
со стороны

Рустам Ксенофонов

© Рустам Ксенофонов, 2021

ISBN 978-5-0053-8434-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие друзья!

В данной книге я постарался продемонстрировать вам человеческую жизнь в тех условиях, в которых она имеет минимальную ценность. Когда осознаешь, что подобное нередко происходило на самом деле, во время войны и локальных боевых действий, – то становится страшно: тяжело даже просто представлять эти условия, не говоря уже о том, чтобы выживать в них.

Впрочем, цель этой книги – не напугать читателя, нет, а показать, что жизнь прекрасна несмотря на проблемы и трудности, которые не слишком значительны по сравнению с тем, какие по-настоящему чудесные вещи нас окружают.

Я хочу, чтобы вы, читая «Плен», попробовали переоценить все то, что происходит в вашей жизни, а также ответили на вопрос, действительно ли окружающая действительность настолько кошмарна, что может лишить вас жизненно-го комфорта? Настолько ли ужасные трудности перед вами стоят, настолько ли неразрешимы ваши проблемы?

Когда перед нашим внутренним взором стоит образ людей, претерпевающих по-настоящему страшные лишения, то наши чрезмерные эмоции отходят в сторону, и мы начинаем смотреть на собственные проблемы более трезво.

Занимаясь вопросами повышения эмоционального интел-

лекта, я понял, насколько важным является своевременное смещение фокуса внимания. Вас может много лет останавливать «А вдруг...?», то есть страх свершений, который без наличия реально подтвержденных угроз приводит только к накручиванию себя, — но если вы будете задавать себе этот вопрос так, чтобы он вызывал у вас не ужас, а интерес попробовать что-то, то вы выиграете от этого гораздо больше, нежели проиграете. Если вы спрашиваете себя: «А вдруг украдут мои сбережения/не оценит начальник/откажет любимая женщина», то ответьте себе «Вот и посмотрим, к чему это приведет!». Попробуйте, принятие любого варианта развития событий действительно работает!

Возвращаясь к книге, хочу сказать лишь одно: если вы захотите оставить свой отзыв или задать интересующий вас вопрос, — напишите мне на почту ruskscor@gmail.ru или в директ инстаграмма @ruskscor. Я буду очень рад вашему письму! Приятного чтения, и до встречи на страницах моих книг и на просторах интернета!

С уважением и благодарностью за выбор этой книги,
Рустам Ксенофонов.

Глава I. Казарма

Опять эта холодная дрожь... она никак меня не отпускает. Особенно сильно дрожь докучает ранним утром: это для нее особенно щедрое время. Сворачиваешься клубком, закутываешься в пальто, но никакие ухищрения не спасают от холода, ведь щели между досками, на которых приходится лежать, вытягивают из тела все собранное по крохам тепло. Немного согревают воспоминания о тех временах, когда можно было спать в мягкой постели, мыться в ванной, наполненной горячей водой... От этих воспоминаний становится чуть теплее, и дрожь ненадолго отступает; правда, стоит только вернуться к реальности и вспомнить, где находишься в данный момент, – и дрожь начинает донимать с новой силой.

Живя в достатке, человек воспринимает и теплую постель, и полный еды холодильник как норму, как естественный ход вещей; но стоит лишиться чего-то привычного, как оно сразу же приобретает большую ценность. Если же потом удастся вернуться к нормальной жизни, то вскоре все, ставшее наконец доступным, быстро перестает быть пределом мечтаний и превращается во что-то будничное, такое, что даже не хочется обсуждать. Это осознавали многие обитатели лагеря, которые еще не перестали мечтать о том, что когда-нибудь их положение изменится.

Сколько еще продлится плен? Когда можно будет вернуться в свои дома? Как выжить в жестких условиях лагеря? Вот вопросы, которые больше всего волновали пленников, — тех, кто еще не сломался. Всем было страшно, и слезы текли рекой, но в открытую плакать было нельзя, и все делали это настолько тихо, насколько могли. Тех, кто не плакал совсем, в лагере попросту не было.

Часов здесь никто не носил, но все ориентировались в лагерном распорядке и без них, ведь график жизни в лагере всегда был одинаков и никогда не нарушался. Утром, например, проводились побудка, построение и распределение по рабочим местам, и эти процедуры стали привычными для всех, кто провел здесь больше одного месяца.

Начальник лагеря по-своему был неплох; считалось, что бывают и хуже. По крайней мере, он довольно лояльно относился к пленным и жестко пресекал всяческий беспредел, который, по слухам, был нормой в других лагерях. В то же время начальник был нетерпим к тем, кто нарушал режим подведомственной ему территории, и не щадил никого, кто был замечен в этом, и потому пленные, услышав сигнал побудки, никогда не мешкали, да и вообще в большинстве своем были готовы делать все, что велят военные.

«Меня зовут Тинс. Я попал в этот лагерь так же, как и все остальные: военные заняли наш город и захватили всех его жителей в плен, чтобы использовать их в качестве рабочей силы. А рабочих им требовалось немало: на заводы

по изготовлению оружия и запчастей, в мастерские, в пошивочные цеха, наконец, на объекты по производству продуктов питания...

До того, как стать пленным, я работал на ферме, как и многие другие люди из числа горожан. Мы производили молочные продукты, которых хватало на то, чтобы удовлетворить нужды не только нашего города, но и соседнего, расположенного в тридцати километрах от нас.

Мне нравилась моя жизнь. За свои двадцать восемь лет я никогда не голодал, ведь в доме всегда было с избытком и свежих овощей, и молока, и мяса. Жены и детей у меня никогда не имелось; на протяжении пяти лет я состоял в отношениях с девушкой, но расстался с ней около года назад. И это было к лучшему: будь мы все еще вместе, то у меня сейчас добавился бы еще один повод для волнений – как она, где она, что с ней... Незадолго до военного конфликта она переехала, но куда, я не знаю. Надеюсь, что у нее все хорошо и она в безопасности.

Когда я только попал в лагерь, то очень удивился, почти не встретив знакомых лиц. Как оказалось, военные распределяли пленных таким образом, чтобы минимизировать вероятность их объединения в группы: они отправляли земляков и родственников в разные лагеря, отрезая их друг от друга и тем самым защищая себя от потенциально возможного бунта.

В моей казарме находилось несколько человек, которых

я знал еще до плена, но мы старались никак не показать, что знакомы: в лагере было много «стукачей», в обязанности которых входило выявление тех, кто в будущем мог образовать какую-либо группу. Поэтому общались мы крайне редко, но все равно присутствие «своих» грело душу, позволяя чувствовать, что я здесь не один, что есть кто-то если не родной, то хотя бы чуточку близкий. Это было единственным лучиком света в окружающей тьме, и позволяло отвлечься от мрачных мыслей о том, на какой срок затянется и чем вообще кончится вся эта история с пленом.

Казарма, где я сейчас жил, представляла собой бывшую животноводческую ферму: там, где раньше обитали коровы и козы, сейчас были устроены двухъярусные нары. Матрасов на них не было – мы обходились соломой, которая не давала особого тепла, а накрываться приходилось собственным пальто, если, конечно, оно имелось.

В нашей казарме размещалось около двухсот человек. Кормили здесь самой простой и доступной едой: овсянкой, хлебом и водой. Иногда давали чай с сахаром, и это был настоящий праздник. Мылись раз в неделю в специальных моечных, которые вообще-то были устроены для крупно рогатого скота, а теперь принимали нас, людей. В моечные загоняли сразу по тридцать человек: женщин – в один день, мужчин – в другой.

Самое удивительное, что даже в таких условиях была своя романтика, которую никогда не почувствуешь в обыч-

ной жизни. Но, будь моя воля, я бы обошелся без всего этого – и без такой романтики, и без подобных воспоминаний.

Территория фермы была разделена на квадраты, отгороженные друг от друга забором и колючей проволокой. Всего таких квадратов было восемь, и в каждом располагались мужская и женская казармы. На построение все пленные выходили вместе, и выстраивались рядами на разных площадках, расположенных в метре друг от друга. Военные осматривали людей, убеждались, что все на месте, и распределяли их по рабочим местам.

Чем мы занимались? Заготавливали сено в поле, работали на кухне, обслуживали конвейеры трех заводов, – да много разного, нам не давали бездельничать. Помимо прочего, нам приходилось также хоронить умерших – тех, кто погибал от различных болезней либо от наказаний, на которые военные были очень щедры. Можно сказать, что плеть и хлыст были главными их аргументами в решении любых вопросов. За что наказывали? Ну, всего и не перечислить. Вообще я сам ни разу не подвергался наказанию: лагерное начальство считало меня исполнительным, «рукастым», и относилось ко мне вполне лояльно.

Лагерная жизнь шла своим чередом, и я даже как-то привык к ней. Но все изменилось, когда начальнику нашего лагеря пришлось уехать и на смену ему прислали временно исполняющее обязанности должностное лицо. И тогда каждый, каждый в лагере понял, что война – самое страшное

испытание для человека».

Все это Тинс написал на листе оберточной бумаги огрызком карандаша: этими богатствами он разжился на заводе и был очень доволен, что теперь может зафиксировать свои воспоминания, не полагаясь на одну только память.

Глава II. Методы Шпицера

Новый временный начальник лагеря для пленных – Шпицер – наводил ужас не только на пленных, но и на самих военных, работавших в лагере. Тех, кто был ниже его по должности, он ни в грош не ставил, поливая презрением и не стесняясь обращаться в самых грубых выражениях, а перед вышестоящими лицами лебезил, стараясь угодить и подольститься. Казалось, что Шпицер был просто-таки средоточием самых неприятных человеческих качеств; будь он простым человеком, то, возможно, постарался бы от некоторых из них избавиться, либо спился бы, нагруженный массой комплексов и страхов, – но у него в руках находилась власть, и он стал для всех настоящим олицетворением зла.

Заняв новую должность, Шпицер некоторое время приглядывался и не проявлял жестокий нрав, но быстро понял, что здесь он может вести себя фактически безнаказанно, и выпустил на волю всех своих демонов. И началось все с первого же построения.

Раньше, до прихода Шпицера, построение шло поэтапно: люди выходили одновременно и военные проверяли, что все на месте, а потом распределяли по рабочим местам в соответствии с заранее заготовленным списком. Такое построение занимало не слишком много времени и было очень эффективным.

В этот день все было иначе. Шпицер шел от одного блока к другому, представлялся и говорил пламенную речь, суть которой сводилась к следующему: пленным крайне повезло иметь еду, работу и место для сна, но они этого не ценят, нарушают режим и тем самым очень сильно расстраивают своего нового лагерного главу. А потом он сказал то, от чего у пленных подкосились колени:

– Вас придется научить послушанию. Поэтому прямо сейчас я выберу по из каждого блока по человеку, которому прострелю голову.

Слова у Шпицера не расходились с делом. По его приказу военные вытаскивали пленника, на которого он указывал, и Шпицер одним выстрелом разносил ему череп. Так новый лагерный глава обошел все блоки, оставляя после себя ошарашенную тишину и мертвые тела, к которым боялись подойти даже военные. Все были очень напуганы, и Шпицер просто-таки упивался ощущением собственного всемогущества, чувствуя витающий в воздухе липкий запах животного страха.

Как только обход закончился, Шпицер отправился в офицерскую столовую и спокойно позавтракал жареным мясом. Позднее он планировал обойти рабочие места пленных и посмотреть, что там происходит, а пока решил немного передохнуть.

Глава III. Новая запись в дневнике

«Это был самый страшный день в моей жизни. Впрочем, он наверняка был таким для всех, кто увидел тот утренний обход.

Люди, которых тогда застрелил Шницер, не являлись моими друзьями, – я почти не знал их, кроме одного парня, с которым нас распределили на один завод.

Было отобрано столько жизней, но для чего? Чтобы просто показать, чем чревато неповиновение!.. Ведь все происходило даже не на поле боя, и убивал Шницер не солдат, а беззащитных людей, не испытывая при этом ни капли жалости, просто смеясь умирающим в лицо!..»

Тинс записал это на очередном обрывке бумаги, который потом убрал поглубже в карман. Остальные листы его дневника были аккуратно свернуты, вставлены в щели между досками и закрыты соломой так, чтобы никто не мог их случайно заметить.

Осознание новой реальности ошарашило всех пленных. До того страшного утра в лагере тоже жилось несладко, но, чтобы у всех на глазах убивали случайно выбранных людей, а убийца всем своим видом демонстрировал то, как он упивается страхом пленных, – такое произошло впервые. Если раньше пребывание в лагере казалось временным и люди были настроены оптимистично, будучи уверенными в том, что

когда-нибудь жизнь вернется на круги своя, то теперь все сомневались в том, что это когда-нибудь произойдет.

Во время своего обхода Шпицер призвал пленных справиться с чувствами и по мере сил приспособиться к ситуации, вести себя так, чтобы ничем не навлечь на себя наказание. Было ясно, что первостепенной задачей людей теперь станет выживание, а все остальные интересы уйдут далеко на задний план, ведь Шпицер строго запретил любые социальные контакты, действия... и даже эмоции. Теперь нельзя было ни смеяться, ни улыбаться: Шпицер говорил, что если на лице пленного улыбка, то это значит, что он не боится действующего режима и может вынашивать мысль о побеге или перевороте. Жестоко карались теперь и разговоры, потому что новый лагерный начальник расценивал их как попытку сговора.

В лагере воцарилась зловещая тишина. Казалось, что мир превратился в какое-то немое кино, причем крайне драматичное, в котором не стоит ждать счастливого конца.

Когда военные пришли распределять людей по рабочим местам, они молчали. Пленные тоже не решались подавать голос. Каждый знал, что до конца дня еще далеко, и со страхом ждал новой встречи со Шпицером.

Наступил полдень, и начальник лагеря отправился осматривать рабочие места. Настроение у него было приподнятым, и он, зашнуровывая тяжелые кожаные ботинки, даже насвистывал себе под нос какой-то популярный мотивчик.

Глава IV. Знакомство с тираном

Шпицер был человеком небольшого роста, от чего сильно комплексовал, и, чтобы казаться выше, носил обувь на каблучке. Детство его прошло в очень суровых условиях; отец наказывал маленького мальчика по поводу и без него, и если видел, что у того на глазах выступают слезы, то впадал в ярость и избивал ребенка до тех пор, пока тот не затихал в ужасе.

Детство научило Шпицера был скрытным, никому не показывать свои эмоции, а также добиваться собственных целей хитростью и интригами. Последнее он перенял от матери, которая сыном особо не занималась, а все эти качества проявляла, вытягивая деньги из своего обеспеченного мужа. Тот был падок на лесть и относился к жене довольно щедро, но на сына его щедрость никак не распространялась.

Повзрослев, Шпицер ушел в военное училище, в котором и остался на долгие годы. Сначала он там учился, потом работал, начав с секретаря и вскоре пробившись в начальники. В военных действиях он никогда не участвовал, да и не рвался: ему больше нравилось плести подковерные интриги и добиваться желаемого при помощи обмана и лести.

Учеба в военном училище только усилила его склонность к жестокости. Тем, кто работал с ним рядом, казалось, что он упивается чужой болью, что он буквально питается ей.

Но со временем аппетита Шпицера росли, и если сначала ему достаточно было просто накричать на того, кто был младше по званию, то вскоре ему перестали приносить удовлетворение и более жестокие действия, а еще через некоторое время он понял, что наслаждается только одним: убийством, и желательно – осуществляемым на глазах у других людей.

Но вернемся в лагерь. Итак, Шпицер обошел все рабочие места и увидел, что там все функционирует достаточно четко и продуманно. Вмешиваться он ни во что не стал, так как здесь его полномочия делились с заводскими начальниками, и ему не хотелось наживать среди них врагов, убивая их подопечных. Шпицер, который отличался не только жестокостью, но и дальновидностью, справедливо опасался, что руководители заводов могут пожаловаться вышестоящим чинам. Шпицер проблем не хотел, да и на заводы ему было плевать с высокой колокольни, поэтому он все оставил по-прежнему.

После обхода он вернулся к себе и хорошо поужинал, после чего открыл бутылку вина и взял со своего стола книгу. Он любил читать о великих полководцах, представляя себя равным им; в этих персонажах его привлекало то, что они руководствовались лозунгом «Цель оправдывает средства», с которым он был совершенно согласен. Шпицер вообще гордился своей беспринципностью: где надо, мог подмазать, наврать, написать анонимный донос, и во многом именно это

и помогало ему быстро шагать по карьерной лестнице.

Глава V. Тинс и Лила

На следующий день Тинс вышел на построение и занял свое место одним из первых; как и остальные, он не знал, чего ждать от нового утра, и потому старался следовать всем правилам.

Удивительно, но начало дня прошло достаточно спокойно, – по большей части из-за того, что приехало высшее военное руководство. Большое начальство осматривало лагерь, не оставляя своим вниманием воинский состав, который в нем командовал, и Шпицер хотел показать себя с лучшей стороны. Этим утром он был не жестоким тираном, а, скорее, суровым, но справедливым наставником, и благодаря этому просто-таки купался в лучах одобрения от вышестоящих чинов.

Построение прошло конструктивно: пленных пересчитали и распределили по объектам в рандомном порядке, так как все работы, на которые отправляли заключенных в лагере людей, были простыми, что позволяло заменять одного сотрудника на любого другого без какой-либо дополнительной подготовки. Впрочем, несколько человек изо дня в день выходили на одни и те же рабочие места; к ним, конечно, было гораздо более лояльное, нежели к другим пленным, отношение, – они жили в маленьких бараках, отдельно от остальных, спали на настоящих матрасах и получали совсем дру-

гую еду, нежели «простые» арестанты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.